Всеобщая библіотека Г. Ѳ. Львовича.

Проф. Ю. С. Гамбаровъ.

Политическія партіи

ВЪ ИХЪ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 10 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Альтшулера. Эртелевъ пер., 17—9.
1905.

Дозволено цензурою. СПБ., 16 Іюля 1905 г.

56897

I. Опредѣленіе.

Задаваясь прежде всего мыслью выяснить понятіе политической партіи и отграничить его отъ сопредѣльныхъ съ нимъ понятій общественной жизни, я выставлю съ самаго начала, въ виду удобства изложенія, опредѣленіе этого понятія и разберу поочередно составляющіе его основные моменты. Я не имѣю надобности оговариваться, что всѣ заключенія, къ которымъ приведетъ меня этотъ анализъ, будутъ заключеніями не изъ опредѣленія, а изъ конкретныхъ фактовъ, на абстракціи которыхъ основано и предлагаемое опредѣленіе понятія политической партіи. Это опредѣленіе таково: *политическія партіи суть свободныя общественныя группы, образующіяся внутри правового государства для совмѣстнаго политическаго дѣйствія на почвѣ общихъ всѣмъ объединеннымъ индивидамъ интересовъ и идей.*

1. Политическая партія есть *общественная группа*. Это значитъ, что она не представляетъ собою цѣлаго народа или общества и есть, какъ это показываетъ и этимологія слова въ языкахъ латинскаго корня, только часть народа или общества. Поэтому *одной* партіи, или партіи въ единственномъ числѣ, не можетъ никогда существовать: часть предполагаетъ всегда другую часть или другія части, и не только существованіе, но и развитіе каждой партіи связано съ существованіемъ и развитіемъ, по крайней мѣрѣ, одной изъ противныхъ ей партій. Правда,—нѣкоторые писатели, проникнутые скорѣе фанатизмомъ, чѣмъ духомъ научнаго изслѣдованія, представляютъ себѣ иногда общество состоящимъ и изъ одной партіи, такъ нераздѣльно управляющей имъ, что всякое противодѣй-

ствіе такой единой партіи признается измѣной обществу. Но мы не знаемъ, къ счастью, ни одного подобнаго общества и знаемъ, напротивъ, что даже въ восточныхъ деспотіяхъ возникаетъ такъ или иначе—тайно или явно—среди духовенства, дворянства, служилаго класса, иногда и въ кругу семьи самого правителя—настолько сильная оппозиція, что съ ней приходится считаться и абсолютной власти деспотовъ. Мы называемъ это обстоятельство счастливымъ, такъ какъ неограниченнсе и безповоротное торжество такого чудовища въ логическомъ и житейскомъ смыслѣ, какое представляла бы собою *одна*-единственная партія въ государствѣ, было бы равносильно худшей изъ тираній. Обезпеченность жизни, свободы, имущества и другихъ необходимыхъ для человѣка благъ есть, какъ извѣстно, граница, отдѣляющая цивилизацію отъ варварства, и она достигается только тамъ, гдѣ люди или партіи, обладающіе властью, знаютъ, что ихъ дѣйствія контролируются другими людьми или партіями, которые могутъ замѣнить ихъ рано или поздно у кормила правленія и заставить дорого поплатиться за допущенныя злоупотребленія властью.

Но изъ того, что партіи представляютъ собою не цѣлый народъ, а его части, не слѣдуетъ заключать ни къ исключенію партій изъ области государственныхъ отношеній, ни къ умаленію ихъ политическаго значенія. Напротивъ, въ настоящее время утверждается все болѣе и болѣе взглядъ, по которому какъ государство, такъ и право признаются, во всемъ процессѣ своего образованія и развитія, выраженіемъ существующаго въ томъ или другомъ отношенія силъ и поэтому уже—дѣломъ не всего народа, а только его сильныхъ и привиллегированныхъ классовъ, навязывающихъ, послѣ вѣковой борьбы, устанавливаемый ими порядокъ болѣе слабымъ и униженнымъ слоямъ общества. Представленіе о правѣ и государствѣ, какъ о продуктѣ *всей* народной жизни, можетъ быть

идеаломъ будущаго, но ни какъ не фактомъ прошлаго или даже настоящаго, такъ какъ это прошлое и это настоящее показываютъ, что, по крайней мѣрѣ, $^{9}/_{10}$ населенія всѣхъ такъ называемыхъ культурныхъ странъ лишены, если не формально то матеріально, огромнаго большинства тѣхъ благъ—особенно въ области гражданскаго права—которыми пользуется лишь $^{1}/_{10}$ привиллегированная часть этого населенія. Виднѣйшимъ представителемъ этого взгляда выступаетъ теперь извѣстный вѣнскій юристъ А. Менгеръ, напечатавшій двѣ интересныхъ работы, изъ которыхъ одна, вышедшая уже лѣтъ 12 тому назадъ и озаглавленная: «Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen», доказываетъ приведенныя положенія на отношеніяхъ гражданскаго права, а другая—«Neue Staatslehre», появившаяся лишь въ прошломъ году,—пытается сдѣлать то же и въ области государственныхъ отношеній.

2. Политическая партія есть *свободная* общественнная группа. Это значитъ, что ни вступленіе въ партію, ни пребываніе и дѣятельность въ ней, ни выходъ изъ нея—не связаны никакими юридическими нормами и предоставлены цѣликомъ свободной волѣ составляющихъ ее лицъ. Иными словами, политическія партіи представляютъ собою не юридическій, а *только* соціальный фактъ, лишенный всякой юридической санкціи и предоставленный исключительно дѣйствію такъ называемыхъ «конвенціональныхъ нормъ», существо которыхъ лежитъ именно въ свободномъ признаніи и свободномъ исполненіи со стороны каждаго повинующагося имъ лица. Этой чертой политическія партіи отличаются формально не только отъ исчезнувшихъ въ современномъ государствѣ, въ смыслѣ предмета юридическаго регулированія, общественныхъ союзовъ,—какими были, напр., племенной, родовой и семейный союзы, касты, сословія, замкнутые классы и т. д.,—но и отъ самого государства, принадлежность къ которому обусловлена до сихъ поръ, въ видѣ

общаго правила, волей государственной власти. Указанная черта разграничиваетъ формально политическія партіи и отъ тѣхъ дѣйствующихъ въ современомъ обществѣ союзовъ, которые подчинены юридической регламентаціи, каковы, напр., различныя формы признаваемой закономъ кооперації—товарищества, синдикаты, корпораціи и т. д. Предлагаемый нѣкоторыми юристами, какъ, напр., Дернбургомъ, въ его «Das bürgerliche Recht des deutschen Reiches», критерій *организаціи*, будто бы отсутствующей у политическихъ партій и характеризующей всѣ признанныя закономъ корпораціи, долженъ быть безусловно отвергнутъ, такъ какъ мы увидимъ ниже, что принципъ организаціи не только не отсутствуетъ, но напротивъ, составляетъ, условіе существованія и исполненія полититеской партіей ея назначенія.

О свободѣ же отъ юридическаго регулированія, дѣйствительно характерной для политическихъ партій, слѣдуетъ еще замѣтить, что стремленіе и постоянное приближеніе къ этой свободѣ лежитъ въ основаніи эволюціи всѣхъ общественныхъ союзовъ, носящихъ черты публичнаго права, не исключая отсюда ни церкви, ни государства. Прежде всѣ эти союзы были исключительны, закрыты и принудительны; съ теченіемъ времени они или исчезли, или обмѣняли свои прежнія черты на свободу, или сдѣлали послѣдней, какъ, наприм., государство, значительныя уступки. Поэтому политическія партія могутъ быть признаны, по своей формѣ, прогрессивной организаціей, стоящей въ соотвѣтствіи со всей эволюціей общественныхъ союзовъ и несомнѣнно опережающей тѣ изъ ихъ видовъ, которые удерживаютъ еще признаки старыхъ принудительныхъ корпорацій.

3. Политическія партіи образуются *внутри правового государства*. Это значитъ, что, съ одной стороны, о нихъ не можетъ быть и рѣчи во время господства формъ общежи-

тія, предшествующихъ возникновенію государства, — каковы, напр., племенной и родовой союзы, различные виды автономной общины и т. д., — и что, съ другой стороны, образованіе политическихъ партій предполагаетъ уже сложившееся правовое государство. Первое изъ этихъ положеній можно доказать какъ слитностью въ первоначальныхъ общинахъ всѣхъ общественныхъ функцій этихъ общинъ, не допускающей предполагаемой понятіемъ политической партіи дифференціаціи политическихъ идей и интересовъ, такъ и характеризующими эти же общины чертами исключительности и принудительности, стоящими въ противорѣчіи со свободными формами политическихъ партій. Второе положеніе, ставящее въ связь политическія партіи и правовое государство, вытекаетъ тоже изъ понятія политической партіи, немыслимаго ни безъ признанія закона въ основаніи всего порядка общественной жизни, ни безъ участія, въ той или другой формѣ, самого общества въ регулированіи этого порядка. То и другое характеризуетъ лишь правовое государство и совершенно отсутствуетъ въ деспотіяхъ, гдѣ законъ есть только дѣло милости правителя, и общество не принимаетъ отъ себя никакого участія въ управленіи государствомъ. Послѣдствіями такого абсолютизма являются обыкновенно: вверху — ничѣмъ не сдерживаемый произволъ и запретъ, налагаемый на всѣ свободныя проявленія жизни общественныхъ группъ; внизу — подавленность, индефферентизмъ и, въ извѣстныхъ условіяхъ, дѣятельность одной лишь революціонной оппозиціи. При такомъ положеніи дѣла нельзя говорить, вмѣстѣ съ нѣкоторыми нѣмецкими писателями, даже о консервативной партіи, стремящейся къ удержанію существующаго порядка. Этимъ дѣломъ занято здѣсь само единоличное правительство, не допускающее къ нему никого, кромѣ своихъ вѣрныхъ слугъ, дѣлающихся, однако, при слабости правителя и господами. Во всякомъ случаѣ, эти слуги или господа составляютъ около

правителя не партіи, а *клики*, за которыми упрочилось, со времени кучки придворныхъ любимцевъ, окружавшихъ въ Испаніи начала XIX в. короля Фердинанда VII, названіе *камарильи*. Подобныя же клики могутъ возникать и противъ правящихъ въ данное время людей, но это опять будутъ не партіи, а клики, такъ какъ отличіе клики отъ партіи состоитъ именно въ томъ, что первая дѣйствуетъ исключительно на почвѣ личныхъ интересовъ своего вожака и независимо отъ какихъ бы то ни было принциповъ правового государства или участія общества въ правительствѣ, тогда какъ вторая если и не исключаетъ изъ круга своей дѣятельности личныхъ интересовъ, то не допускаетъ ихъ преобладанія и всегда предполагаетъ какъ правовое государство, такъ и участіе въ немъ самого общества. Но вытѣсняемая изъ политической жизни тенденція къ образованію партій, совпадая въ основаніи съ инстинктомъ общественности, переходитъ въ область религіи, наукъ, искусствъ и различныхъ общественныхъ противоположеній. Отсюда—существованіе, рядомъ съ политическими, религіозныхъ, научныхъ, литературныхъ, артистическихъ и соціальныхъ партій, которыя тоже отличаются отъ первыхъ своей независимостью отъ политическихъ условій, но и сближаются съ ними извѣстнымъ родствомъ идей и интересовъ. Напримѣръ, реакціонно-церковная партія стоитъ обыкновенно въ отношеніи симпатіи съ абсолютизмомъ; направленіе, извѣстное подъ именемъ исторической школы, сходится съ консервативной партіей; критическое направленіе—съ либеральной, идеально-догматическое—съ радикальной партіей и т. д.

Говоря о существованіи политическихъ партій внутри государства, не мѣшаетъ оговариваться, что это ограниченіе понятія политической партіи предѣлами даннаго государства касается только образованія, а не развертываемой все шире и шире дѣятельности политическихъ партій. Что эта дѣятельность

съ развитіемъ интернаціонализма, выходитъ все болѣе и болѣе за предѣлы того государства, гдѣ она возникаетъ, или — что, другими словами, политическія партіи, наравнѣ со многими другими проявленіями современной жизни дѣлаются теперь менѣе національными и болѣе интернаціональными, этотъ фактъ не можетъ быть въ настоящее время предметомъ сомнѣнія. Вспомнимъ, какъ законодатели, принадлежащіе къ той или другой партіи въ своей странѣ, заимствуютъ законы и учрежденія чужой страны, если только эти законы и учрежденія соотвѣтствуютъ требованіямъ ихъ партіи. Вспомнимъ и французскую эмиграцію, искавшую защиты и помощи противъ революціи въ аристократическихъ монархіяхъ другихъ странъ, гдѣ она могла расчитывать на сочувствіе своимъ идеямъ и интересамъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ родной странѣ. Наконецъ, новыя условія мірового хозяйства сближаютъ, какъ извѣстно, рабочихъ всѣхъ странъ—такъ же, какъ они космополитизируютъ и предпринимателей, и особенно банкировъ. И что вліяніе этого интернаціонализма замѣтно не только на политическихъ, но и на другихъ партіяхъ, напримѣръ, религіозныхъ, это можно лучше всего видѣть на партіи католиковъ, которая не обнаруживала бы въ своей постоянной борьбѣ съ другими партіями такой живучести и силы сопротивленія, если бы у нея не было поддержки въ Римѣ и во всѣхъ странахъ гдѣ эта партія торжествуетъ и можетъ поэтому приходить на помощь своимъ менѣе счастливымъ единовѣрцамъ въ другихъ странахъ—какъ нравственно, такъ и деньгами, и убѣжищемъ.

4. *Совмѣстное политическое дѣйствіе.* Политическія партіи имѣютъ своей цѣлью, смотря по тому или другому государственному строю, или полученіе въ свои руки государственной власти, или, по крайней мѣрѣ, достиженіе рѣшающаго вліянія на государственное управленіе. Осуществленіе этой цѣли возможно не иначе, какъ путемъ дѣйствій и, притомъ, сов-

мѣстныхъ, такъ какъ политическая партія уже потому, что она есть общественная группа, ставящая передъ собою практическую цѣль, должна необходимо дѣйствовать, и дѣйствовать общими усиліями своихъ членовъ. Поэтому о политической партіи не можетъ быть и рѣчи при той общественной группировкѣ, въ основаніи которой лежитъ общность только въ политическихъ убѣжденіяхъ безъ того, чтобы эти послѣднія переходили въ совмѣстную дѣятельность лицъ, ими объединенныхъ, такъ сказать, платонически, но не практически. Здѣсь можно было бы говорить въ лучшемъ случаѣ о матеріалѣ для будущей партіи или о партіи въ скрытомъ состояніи, но не о настоящей политической партіи, удовлетворяющей всѣмъ условіямъ своего понятія; и такъ какъ совмѣстная дѣятельность лицъ, составляющихъ партію, входитъ въ ея понятіе, то дѣятельность эта, само собою, должна быть *организована*, т. е. подчинена общимъ правиламъ или дисциплинѣ, и снабжена извѣстными органами. Партіи борются и, для успѣха борьбы, нуждаются въ единствѣ, представляющемъ здѣсь, какъ и всюду, силу. Это единство даютъ имъ вожаки и другіе органы партіи — между ними и печатные, — поддерживающіе постоянную связь среди отдѣльныхъ членовъ партіи и проводящіе ея идеи въ индифферентную, по большей части, къ политическимъ идеямъ массу, привлеченіе которой на сторону партіи есть одно изъ условій достиженія ея цѣли. Подчиненіе вожакамъ и дисциплинѣ не угрожаетъ партіи опасностью, такъ какъ вожаки сохраняютъ свое вліяніе лишь до тѣхъ поръ, пока они вѣрны доктринѣ и интересамъ партіи, а дисциплина основана здѣсь не на слѣпомъ повиновеніи, какъ въ войскѣ, а на добровольномъ самоограниченіи. Отсутствіе какой бы то ни было принудительной санкціи дѣлаетъ для партія безвредными и злоупотребленія какъ вліяніемъ, такъ и дисциплиной: лицамъ, допускающимъ эти злоупотребленія, грозитъ

потеря ихъ положенія и даже изгнаніе изъ партіи. Какъ мало предводители политическихъ партій могутъ расчитывать на слѣпое подчиненіе своихъ сторонниковъ, это можно видѣть, не говоря о другихъ странахъ, даже въ Англіи, гдѣ гармонія между парламентскимъ большинствомъ и представляющимъ это большинство въ правительствѣ кабинетомъ министровъ — это основное требованіе системы парламентаризма—осуществляется въ большей степени, чѣмъ въ какой бы то ни было иной странѣ. Несмотря, однако, на признаніе въ англійской политической системѣ принципа, по которому обязанности кабинета министровъ выходить въ отставку, если его перестаетъ поддерживать парламентское большинство, соотвѣтствуетъ и обязанность этого большинства поддерживать кабинетъ, пока этотъ послѣдній находится во власти,—несмотря на признаніе этого принципа, списокъ министерствъ, свергнутыхъ вслѣдствіе присоединенія части парламентскаго большинства къ оппозиціи, въ Англіи столь же длиненъ, какъ и въ другихъ странахъ. Укажемъ для примѣра министерства: Мельбурна въ 1841 г.,—Р. Пиля въ 1846 г.,—Дж. Росселя въ 1852 г.,—Эбердина въ 1855 г.,—Пальмерстона въ 1858 г. и, наконецъ—Гладстона въ 1885 и 1886 гг. Эти примѣры говорятъ, конечно, не противъ организаціи и дисциплины политическихъ партій, а противъ преувеличеннаго представленія о силѣ этой организаціи и этой дисциплины, которыя не составляютъ, въ сущности, и отличительнаго признака политическихъ партій. Организація и дисциплина требуются всякимъ общеніемъ людей, преслѣдующихъ общія цѣли, и встрѣчаются поэтому въ области какъ политики, такъ и права, нравовъ, религіи и т. д. Но если не организація, то *направленіе организаціи на сторону государственной дѣятельности,* въ смыслѣ достиженія или удержанія государственной власти, дѣйствительно отличаетъ политическія партіи отъ всѣхъ прочихъ общественныхъ союзовъ.

Эта чисто политическая цѣль партіи представляетъ въ такой же степени матеріальный критерій для разграниченія политическихъ партій отъ *всѣхъ* другихъ общественныхъ группировокъ, въ какой свобода отъ юридическаго регулированія представляетъ формальный критерій для того же разграниченія, если не всѣхъ, то *значительнаго числа* этихъ группировокъ.

5. *Общность интересовъ и идей.* Интересы и идеи участвуютъ въ неравныхъ дозахъ при образованіи и дѣятельности политическихъ партій: интересы обыкновенно преобладаютъ, и идеи служатъ абстрактными формулами для тѣхъ же интересовъ. Отсюда новый аргументъ противъ довольно распространеннаго и упомянутаго уже взгляда, который видитъ въ партіи одно лишь общеніе мнѣній и убѣжденій, при чемъ такое общеніе, предполагаемое исключительно идейнымъ, противополагается всѣмъ другимъ общественнымъ группамъ, различаемымъ по антропологическимъ, классовымъ, профессіональнымъ и т. п. признакамъ. Неправильно, прежде всего, противоположеніе идеи и интереса. Но если его даже допустить, то ни идея, оторванная отъ интереса, не вызывала бы въ соединенныхъ индивидахъ того духа самопожертвованія и добровольнаго подчиненія дисциплинѣ, который такъ необходимъ для всякой партіи, ни интересъ, оторванный отъ идеи, не приводилъ бы къ сознательной группировкѣ общества по кастамъ, классамъ, профессіямъ и т. д. Не надо только забывать, что интересы и идеи, объединяющіе политическія партіи, могутъ быть чрезвычайно разнообразны, и что ограничивать ихъ областью исключительно экономическихъ или политическихъ интересовъ значило бы становиться въ противорѣчіе съ положеніемъ дѣла въ дѣйствительности. На ряду съ политическими группами, объединенными чисто экономическими и политическими интересами,—каковы, напримѣръ, принципы свободы тор-

говли и протекціонизма, свободы труда и государственнаго вмѣшательства, пропорціональнаго и прогрессивнаго обложенія, ограниченнаго цензомъ и всеобщаго права голосованія, безотвѣтственнаго и отвѣтственнаго министерства, системы централизаціи и децентрализаціи и т. д.,—мы встрѣчаемся постоянно и съ такими политическими группами, въ основаніи которыхъ лежатъ совсѣмъ иные интересы, чѣмъ интересы чисто экономическихъ и политическихъ отношеній. Сюда слѣдуетъ причислить, напр., политическія партіи, добивающіяся то свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, то свободы слова и печати, то свободы ассоціацій и коалицій, то уничтоженія рабства, то эмансипаціи католиковъ, протестантовъ, евреевъ, сектантовъ, то уравненія правъ женщинъ съ правами мужчинъ и т. д. Интересы, объединяющіе эти партіи, принадлежатъ къ разряду нравственныхъ и обще-соціальныхъ и, вступая въ тѣ или другія комбинаціи какъ съ экономическими, такъ и съ политическими интересами, они не поглощаются ими и не перестаютъ отъ нихъ различаться.

Именно поэтому, т. е. по разнообразію интересовъ и ихъ возможныхъ комбинацій въ политическихъ партіяхъ, эти послѣднія и нельзя опредѣлить по свойству объединяемыхъ ими интересовъ, которые могутъ находиться въ основаніи и другихъ общественныхъ группировокъ, напр., по кастамъ, классамъ и т. д., не давая ни малѣйшаго критерія для разграниченія этихъ группировокъ какъ другъ отъ друга, такъ и отъ политическихъ партій. Но, несмотря на все многообразіе интересовъ и безразличіе ихъ свойства для понятія политической партіи, не нужно быть сторонникомъ доктрины экономическаго матеріализма, чтобы признать какъ рѣшающее значеніе для политической партіи интересовъ вообще, такъ и первенствующее мѣсто, занимаемое въ ряду послѣднихъ экономическими интересами. На это мѣсто указываютъ теперь даже

названія политическихъ партій. Прежде онѣ носили, напр., во Франціи, названія монархистовъ, бонапартистовъ, республиканцевъ, радикаловъ и т. д., смотря по различію политическихъ убѣжденій, стоявшихъ, конечно, не безъ связи и съ экономическими отношеніями. Теперь тѣ же партіи называются консерваторами, либералами, прогрессистами, радикалами-соціалистами, соціалистами и т. д., уже въ прямой зависимости отъ представляемыхъ ими экономическихъ отношеній. То же можно сказать и о политическихъ программахъ: прежде онѣ опирались болѣе всего на ту или другую форму государственнаго строя, начиная отъ легитимной монархіи, проходя черезъ монархію безъ короля, умѣренную республику съ Тьеромъ, Греви и т. д., и оканчивая демократіей въ формѣ конвента, безъ всякаго главы исполнительной власти. Теперь политическіе вопросы въ программахъ партій почти отсутствуютъ, и избирательная борьба ведется на почвѣ тѣхъ или другихъ взглядовъ на подоходный налогъ, таможенный тарифъ, рабочіе законы и т. д.

Германская имперія управляется въ настоящее время почти деспотическимъ правительствомъ, которое пренебрегаетъ и союзнымъ совѣтомъ, представляющимъ верховенство союзныхъ государствъ, и рейхстагомъ, долженствующимъ олицетворять верховную власть и единство германскаго народа. Императоръ монополизируетъ въ своихъ рукахъ даже законодательную власть, пользуясь фактически почти всей иниціативой предложенія законовъ и если не легальнымъ, то реальнымъ и неограниченнымъ правомъ veto. Онъ уклоняется также отъ контроля надъ собою, какъ бюджетнаго, такъ и правительственнаго и, не стѣсненный даже отвѣтственностью министровъ, остается чистымъ автократомъ въ странѣ, давно опередившей по своему культурному развитію такую форму государства. И въ подобныхъ условіяхъ 3 милліона избирателей, стоящихъ въ оппозиціи, ведутъ борьбу не за политическую свободу

и голосуютъ на выборахъ не за измѣненія въ государственномъ строѣ, а требуютъ прежде всего экономическихъ реформъ и, приспособляясь къ управляющей ими полу-деспотіи, вынуждаютъ спослѣднюю служить своимъ классовымъ интересамъ.

Еще ярче и доказательнѣе для преобладающей роли экономическихъ интересовъ, если не во всѣхъ, то въ значительномъ числѣ политическихъ партій, представляетъ фактъ весьма обыкновеннаго совпаденія политическихъ партій и общественныхъ классовъ. Важность этого совпаденія для занимающаго насъ вопроса обусловливается тѣмъ, что общественные классы стали со времени первой французской революціи, уничтожившей между ними всѣ юридическія различія, чисто экономической группировкой общесгва, основанной, съ одной стороны, на противоположности богатства и бѣдности или, точнѣе, на противоположности снабженнаго орудіями производства капитала и лишеннаго этихъ орудій труда, и съ другой—на раздѣленіи всего необходимаго для производства и обмѣна народнаго труда по профессіямъ, обезпечивающимъ за объединяемыми ими лицами весьма важныя для народнаго хозяйства навыки и знанія. Мнѣніе, высказанное Г. Тардомъ на одномъ изъ засѣданій Парижскаго Соціологическаго Общества (Revue internationale de sociologie, 1903, № 2) о независимости политическихъ партій отъ общественныхъ классовъ именно вслѣдствіе устраненія между послѣдними всѣхъ юридическихъ перегородокъ — это мнѣніе не выдерживаетъ, очевидно, критики, такъ какъ равные между собою въ юридическомъ смыслѣ индивиды могутъ глубоко различаться въ общественномъ смыслѣ и, въ виду объединяющихъ ихъ классовыхъ интересовъ, соединяться въ организованныя группы, ставящія передъ собой и политическія цѣли. Такое превращеніе общественныхъ классовъ въ политическія партіи не только не устраняется, вопреки Тарду, но, напро-

тивъ, обостряется юридическимъ уравненіемъ классовъ, и это не трудно объяснить.

Всѣ современныя конституціи предоставляютъ то или другое участіе въ государственной власти, рядомъ съ имущимъ, и неимущему классу, состоящему, въ то же время, въ полной экономической зависимости отъ перваго. Нечего удивляться, что это противорѣчіе въ положеніи класса, являющагося одновременно сувереномъ и рабомъ, приводитъ къ тому, что, сознавая недостаточность индивидуальныхъ и внѣгосударственныхъ усилій для разрѣшенія этого противорѣчія, неимущій классъ стремится усилить свое вліяніе на государственную власть или пріобрѣсти въ ея составѣ настолько рѣшающій голосъ, насколько это нужно для того, чтобы сдѣлать положеніе своихъ членовъ не только политически, но и общественно-независимымъ,—другими словами, открыть имъ не только юридическій, но и фактическій доступъ къ народному капиталу. Если бы это соотвѣтствіе между классовыми интересами и политическими партіями приходилось провѣрять на историческомъ прошломъ европейскихъ народовъ, то мы могли бы увидѣть, что древніе Аѳины, Римъ, итальянскія республики среднихъ вѣковъ и другія страны полны фактовъ политической борьбы неимущаго класса съ имущимъ; что Франція, Фландрія и почти вся Западная Европа въ періодъ движенія, извѣстнаго подъ именемъ освобожденія общинъ, развертываютъ передъ нами картину столь плодотворной по послѣдствіямъ борьбы средняго класса съ феодальными господами; что первая французская революція характеризуется болѣе всего борьбой того же, но окрѣпшаго и разросшагося средняго класса съ привиллегированными сословіями и поддерживавшимъ ихъ политическимъ режимомъ; что въ 1830 г. средняя буржуазія одерживаетъ верхъ надъ крупной, вмѣстѣ съ соединившимся съ послѣдней силами «стараго порядка»; что въ 1848 г. эта же средняя буржуазія, въ союзѣ съ демо-

кратической интеллигенціей, полагаетъ начало во Франціи той представительной демократіи, которая усвапвается быстро большинствомъ и другихъ европейскихъ странъ, переживая, однако, до сихъ поръ трудный процессъ развитія своихъ формъ. Такъ же точно избирательная реформа 1832 г. и все такъ называемое чартистское движеніе въ Англіи были, главнымъ образомъ, дѣломъ средней буржуазіи, тогда какъ та же избирательная реформа въ Бельгіи проводится болѣе всего подъ давленіемъ рабочаго класса; и еще недавно мы были свидѣтелями въ этой странѣ общей стачки, не имѣвшей никакой иной цѣли, какъ достиженіе права всеобщаго голосованія.

Если мы вспомнимъ, наконецъ, что одинъ изъ проницательнѣйшихъ политическихъ писателей нашего времени, Лоренцъ Штейнъ,—въ сочиненіи, вышедшемъ еще въ 1849—50 гг. и озаглавленномъ «Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich»,—установилъ побѣдоносно зависимость политическихъ формъ отъ отношеній общественныхъ классовъ другъ къ другу, то у насъ не останется никакихъ сомнѣній въ томъ, что общественные классы и политическія партіи не только не противоположны, но, напротивъ, чрезвычайно близки и, въ извѣстныхъ условіяхъ, даже соотносительны между собой. Не слѣдуетъ только эту соотносительность переводить на тождество, такъ какъ если общественные классы выступаютъ часто, какъ враждебныя другъ другу политическія партіи, то эти послѣднія образуются также внутри того или другого общественнаго класса или составляются изъ элементовъ, принадлежащихъ къ различнымъ общественнымъ классамъ, такъ что связки политическихъ партій должны быть въ этихъ случаяхъ иныя, чѣмъ связки чисто классовыхъ интересовъ. Въ видѣ примѣровъ такихъ партій, можно сослаться на «голубыхъ» и «желтыхъ» въ старой Византіи, на мелкія партіи въ древнихъ греческихъ республикахъ, отчасти въ Римѣ и въ нѣкоторыхъ республи-

кахъ средневѣковой Италіи, гдѣ различныя партіи группировались нерѣдко около одинаково знатныхъ или богатыхъ вожаковъ и состояли изъ лицъ, входившихъ во всѣ классы общества. То же самое, и еще въ бо́льшей степени, можно сказать о многочисленныхъ религіозныхъ сектахъ, оказывавшихъ несомнѣнное вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ въ различныхъ странахъ, о либералахъ и консерваторахъ въ Испаніи и Италіи, о теперешнихъ тори и вигахъ въ Англіи, о демократической и республиканской партіяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ и т. д. Всѣ эти партіи различаются теперь не классовыми, а иными интересами, которые возникаютъ или внутри одного и того же класса имущихъ, или вытекаютъ, какъ мы увидимъ это ниже, изъ условій дѣятельности современнаго парламентскаго правительства. Такимъ образомъ, если партіи и классы часто сходятся, то они такъ же часто и расходятся, откуда сама собою слѣдуетъ необходимость, если не разъединять, то различать соотвѣтствующія имъ понятія.

II. Названія политическихъ партій.

Не всегда различіе названія выражаетъ различіе партій, и часто какъ названія, такъ и предметы, раздѣляющіе партіи, оказываются случайными. «Правая» и «лѣвая» (за исключеніемъ соціалистическаго крыла послѣдней) въ Италіи, консерваторы и либералы въ Испаніи, тори и виги въ Англіи, консерваторы, прогрессисты и даже радикалы во Франціи нашихъ дней, республиканцы и демократы въ Соединенныхъ Штатахъ— не отличаются существенно другъ отъ друга ничѣмъ, кромѣ того, что, когда одна изъ этихъ партій находится во власти, другая оппонируетъ ей, имѣя въ виду занять ея мѣсто для отправленія той же власти. Тѣмъ не менѣе, названія партій далеко не безразличны, такъ какъ они производятъ извѣстное

впечатлѣніе на массу общества, привлекая къ той или другой партіи или отвлекая отъ нея, такъ сказать, *prima facie*, всѣ поверхностные умы, составляющіе, пока-что, большинство во всѣхъ обществахъ. Поэтому партія, которая не называла бы себя или скрывала добровольно свое имя, подписывала бы свой смертный приговоръ въ смыслѣ вліянія на общество. Но если бы она была вынуждена къ тому же преслѣдованіемъ, вліяніе ея росло бы, вѣроятно, прямо пропорціонально тому придатку страсти, который былъ бы сообщенъ партіи гнетомъ преслѣдованія, и тому возбужденію сочувствія, которое преслѣдованіе мысли вызываетъ даже въ индифферентной массѣ.

Усваивая себѣ тѣ или другія названія, партіи отличаютъ себя другъ отъ друга и различными цвѣтами, знаменами, кокардами, повязками, шляпами и т. п. символическими знаками, которые были въ большомъ ходу въ прежнее время и раздѣляли иногда все общество на враждебные лагери, какъ, напр., «зеленые» и «голубые» въ Византійской имперіи, «алая и бѣлая розы» въ средневѣковой Англіи, «красные» и «черные» въ наши дни и т. д. Но за этими символическими отличіями скрывается часто такое безразличіе въ отношеніи къ политическимъ принципамъ и цѣлямъ, что о *политическихъ* партіяхъ въ собственномъ смыслѣ въ этихъ случаяхъ не слѣдовало бы и говорить. Вообще же, привязанность къ символическимъ отличіямъ въ настоящее время замѣтно слабѣетъ, и политическія партіи объединяются и разъединяются теперь не символами, а интересами, о которыхъ у насъ уже велась рѣчь, и представляющими эти интересы организаціями и печатными изданіями.

Популярно въ общественномъ обиходѣ и довольно распространенно также въ политической литературѣ раздѣленіе политическихъ партій на абсолютистовъ, консерваторовъ, либераловъ и радикаловъ. Объ этомъ раздѣленіи партій будетъ нелишнимъ

сказать, что указываемыя имъ 4 партіи нельзя считать ни «единственно-раціональными», какъ этого хочетъ, напр., Блокъ въ своемъ «Dictionnaire général de la politique», ни «основными типами партій», психически обосновными на 4-хъ послѣдовательныхъ фазахъ развитія человѣческой жизни, какъ это излагаетъ Ромеръ (Rohmer) въ своемъ сочиненіи «Lehre von den politischen Parteien», вышедшемъ хотя и въ 1844 г., но цитируемомъ до сихъ поръ съ уваженіемъ какъ нѣмецкими, такъ и французскими писателями.

Если начало политическимъ партіямъ дается, какъ мы это видѣли, общностью интересовъ—и интересовъ какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ,—и если эти интересы такъ же измѣнчивы и разнообразны, какъ измѣнчива и разнообразна сама общественная жизнь, то политическихъ партій можетъ быть, естественно, столько же, сколько и объединяемыхъ ими для совмѣстнаго политическаго дѣйствія интересовъ. Тогда непонятно, почему, при такомъ измѣнчивомъ разнообразіи интересовъ и партій, черта раціональности должна отличать тѣ, а не другія партіи, и почему раціональны только 4 названныя выше, а не 6, не 10, не 20 и болѣе не названныхъ, но несомнѣнно существующихъ еще партій. Если бы всѣ 4 указанныя партіи были еще строго опредѣлены и встрѣчались съ одинаково яснымъ содержаніемъ повсюду или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ наблюдаемыхъ странъ, то выдѣленіе ихъ въ привиллегированную группу представляло бы извѣстное оправданіе. Но дѣйствительность показываетъ, что содержаніе каждой изъ этихъ партій мѣняется съ различіемъ мѣста и времени, что консерваторы одной страны могутъ быть либералами въ другой и даже въ своей собственной странѣ, что консерватизмъ и либерализмъ при борьбѣ за свободу и послѣ упроченія свободы представляютъ собой совершенно различныя доктрины. Въ первомъ случаѣ консерваторы и либералы дѣй-

ствительно противоположны, такъ какъ одни отрицаютъ, а другіе утверждаютъ свободу; но во второмъ—они не отличаются съ этой стороны, такъ какъ свобода перестаетъ быть предметомъ спора и переходитъ для тѣхъ и другихъ въ предметъ вожделѣнія, въ смыслѣ монополіи. Это можно видѣть съ особенной наглядностью на столь отстаиваемой теперь имущимъ классомъ передъ классомъ неимущихъ «свободѣ труда» и на столь оспариваемой значительной частью того и другого класса противъ духовенства,—по крайней мѣрѣ, во Франціи настоящаго момента,—«свободѣ преподаванія». То же самое, если не болѣе, можно сказать и о двухъ другихъ, принимаемыхъ за «раціональные типы», партіяхъ. Абсолютизмъ восточныхъ деспотій,—западнаго полицейскаго государства,—Національнаго Конвента,—Первой и Второй Имперіи и т. д.—представляютъ собою не одно, а различное въ весьма существенныхъ частяхъ содержаніе, и если въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, какъ, напр., во Франціи и Германіи, этотъ абсолютизмъ удерживаетъ еще въ наше время достаточно приверженцевъ, неохотно, однако, признающихся въ этой приверженности, то въ другихъ странахъ, какъ, напр., въ Англіи или въ Соединенныхъ Штатахъ, не можетъ быть болѣе и рѣчи о партіи абсолютистовъ. Что касается радикаловъ, то подъ этимъ именемъ скрывается также столько различныхъ и часто противорѣчащихъ другъ другу доктринъ, начиная отъ демократическаго абсолютизма и кончая самымъ крайнимъ атомистическимъ индивидуализмомъ, что говорить здѣсь объ одной партіи,—не соображаясь съ различіемъ исповѣдуемыхъ ея группами доктринъ и со степенью приближенія этихъ доктринъ къ тѣмъ или другимъ общественнымъ противоположеніямъ и интересамъ,—было бы въ высшей степени рискованно.

О теоріи Ромера, предполагающей полное соотвѣтствіе между 4-мя «типами» партій и 4-мя возрастами человѣческой жизни,—

при чемъ радикалы должны соотвѣтствовать дѣтству, либералы—юности, консерваторы—зрѣлости и абсолютисты—старости,—мы не будемъ распространяться, такъ какъ лежащая въ основаніи этой теоріи біологическая аналогія, сама по себѣ подозрительная, выступаетъ здѣсь слишкомъ грубо, поверхностно и ненаучно для того, чтобы на ней стоило останавливаться.

Отвергая, такимъ образомъ, раціональный характеръ и всякія біологическія аналогіи политическихъ партій, мы вовсе не хотимъ сказать, что эти послѣднія представляютъ собою нѣчто въ такой степени произвольное и случайное, что надо оставить всякую надежду на открытіе въ ихъ образованіи и дѣйствіи какой бы то ни было закономѣрности. Произвольно и случайно можетъ быть возникновеніе или названіе какой-нибудь партіи, если она вызывается къ жизни временными, не имѣющими общаго значенія условіями или исключительно волей своихъ учредителей; то же—если она получаетъ названіе, не соотвѣтствующее ея дѣйствительному предмету и цѣли. Но когда партіи стоятъ въ длящемся отношеніи съ объединяемыми ими интересами, и эти интересы настолько существенны и общи, что съ ними приходится считаться какъ обществу, такъ и государству, то ни разнообразіе, ни измѣнчивость этихъ интересовъ, не могутъ помѣшать тому, что выраженіе ихъ въ политическихъ партіяхъ будетъ такъ же закономѣрно и такъ же доступно для научнаго изслѣдованія, какъ это можно утверждать и о другихъ выраженіяхъ общественныхъ отношеній, вовсе не затрагиваемыхъ въ своей закономѣрности разнообразіемъ и измѣнчивостью этихъ отношеній. На примѣнимость такого изслѣдованія къ политическимъ партіямъ указываетъ отчасти и предшествующее изложеніе, въ которомъ приведенъ рядъ обобщеній, касающихся сложенія, дѣятельности и разграниченія политическихъ партій отъ сопредѣльныхъ съ ними общественныхъ группъ. Мы дополнимъ теперь это изложеніе

еще нѣсколькими и, притомъ, самыми бѣглыми указаніями на общій ходъ развитія и на особое значеніе политическихъ партій въ современной политической жизни.

III. Процессъ развитія политическихъ партій.

Общій ходъ развитія политическихъ партій можно видѣть, съ одной стороны, въ освобожденіи ихъ отъ постороннихъ примѣсей, и съ другой—въ усиленіи политическихъ функцій. Освобожденіе политическихъ партій отъ постороннихъ ихъ понятію примѣсей мы наблюдаемъ, прежде всего, на постепенномъ ослабленіи религіозно-политическихъ партій, игравшихъ въ прошломъ очень большую роль и переходящихъ теперь все болѣе и болѣе изъ области политики въ область чисто религіозныхъ отношеній. Замѣтнѣе всего этотъ процессъ обособленія политическихъ партій отъ религіозныхъ элементовъ—въ странахъ, проводящихъ въ своей жизни принципъ отдѣленія государства отъ церкви, и менѣе замѣтенъ—въ странахъ, кумулирующихъ государственныя функціи съ церковными или дѣлающихъ изъ главы государственной власти, какъ мы видимъ это, напр., въ Пруссіи, и главу господствующей въ государствѣ церкви. Но и такія страны, какъ, напр., Англія, Франція и Бельгія, давно уже раздѣлавшіяся съ этимъ пережиткомъ библейской или папской теократіи, наслѣдовали, тѣмъ не менѣе, отъ своего прошлаго такія сильныя религіозно-политическія партіи, которыя не перестаютъ еще въ наши дни оказывать большое вліяніе на государственную жизнь. Однако значительной долей своего вліянія эти религіозно-политическія группы обязаны въ настоящее время не столько собственнымъ, т. е. духовнымъ или церковнымъ силамъ, сколько средствамъ тѣхъ правящихъ классовъ общества, съ которыми онѣ стоятъ въ тѣсномъ союзѣ, и которые, естественно, поддерживаютъ ихъ въ обмѣнъ за получаемыя ими

самими услуги. Такая несамостоятельность силы, съ одной стороны, и съ другой—исходныя точки и цѣли, лежащія въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и въ церковной организаціи, а не въ государствѣ,—различаютъ уже достаточно религіозно-политическія партіи отъ чисто-политическихъ, не допуская ихъ соединенія въ одну группу. Противорѣчіе же, изъ котораго не выходятъ эти религіозно-политическія партіи, сталкиваясь съ современнымъ складомъ мышленія и строемъ свѣтскаго государства, отчасти уже приводитъ, а въ конечномъ результатѣ должно и вполнѣ привести не только къ болѣе рѣзкому разграниченію, но и къ совершенному исключенію этихъ партій изъ области государственныхъ отношеній.

Другой рядъ случаевъ обособленія политическихъ партій отъ постороннихъ имъ элементовъ представляютъ намъ исчезнувшія или исчезающія теперь и столь обычныя прежде различія партій по національностямъ (напр., романская и германская, англійская, шотландская и ирландская, нѣмцы и чехи въ Австріи, и т. д.) по племенамъ (напр., великороссы, малороссы и бѣлороссы, франки и старобаварцы, фламандцы и вельши и т. д.) или сословіямъ (напр., патриціи и плебеи въ Римѣ, духовенство, дворянство, горожане, крестьянство—во всей Западной Европѣ и т. п.). Дѣленія партій, опирающіяся на эти начала и, особенно, на національность и племя, предшествовали, въ общемъ, объединенію современныхъ государствъ и стояли даже поперекъ этому объединенію. Племя и національность были сами по себѣ прочно обоснованныя и самостоятельныя единства, которыя могли расходиться съ государственнымъ единствомъ и даже враждовать съ нимъ. Сословія представляли меньше опасности для государства, такъ какъ они составляли его части и не стремились къ созданію изъ себя самостоятельнаго государства. Но и сословія, когда они были закрыты и надѣлены исключительными правами, оказывались часто столь же

крѣпкими и могучими единствами, какъ племя и національность. Поэтому-то и новое государство, исходящее отъ признанія равноправности за всѣми живущими въ его предѣлахъ племенами, національностями и сословіями, не можетъ допустить свободнаго развитія основанныхъ на всѣхъ этихъ единствахъ партій. Современныя политическія партіи суть всегда части государственнаго цѣлаго, подчиненныя этому цѣлому, открытыя для всѣхъ племенъ, національностей и сословій, и поэтому уже не только не грозящія единству государства, но, напротивъ, постоянно питающія и поддерживающія это единство. Вотъ существенное различіе между современными и прежними политическими партіями,—различіе, въ силу котораго мы могли бы допустить возникновеніе въ современномъ государствѣ политической партіи, стоящей въ извѣстномъ отношеніи съ племеннымъ, національнымъ или сословнымъ началомъ, только въ томъ случаѣ, если бы это государство отказывало тому или другому изъ своихъ племенъ, національностей или сословій въ правахъ, которыя оно признавало бы за другими своими членами. Но это была бы опять политическая партія, основанная не на племенномъ, національномъ или сословномъ началѣ, а на принципѣ борьбы за извѣстныя права, характеристика которыхъ лежала бы не въ связи съ какимъ бы то ни было племенемъ или сословіемъ, а, напротивъ, въ отрицаніи этой связи. Такимъ образомъ, низшія формы партій вытѣсняются постепенно высшими, и эти послѣднія все болѣе и болѣе очищаются отъ смѣшенія съ религіозными, національными, сословными и т. п. элементами, стоящими независимо отъ цѣлей собственно государственнаго общенія. Принадлежа цѣликомъ государственной жизни, политическія партіи опредѣляются теперь исключительно политическимъ началомъ, т. е. стремленіемъ воздѣйствовать на государственную власть и обезпечивать въ ней свое участіе.

Въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ исключительно политическаго союза, предполагающаго участіе общества въ государственной жизни, политическія партіи суть явленія *новаго времени*, такъ какъ еще въ недавнемъ прошломъ большинство европейскихъ народовъ не знало ни обособленія политическихъ союзовъ отъ основанныхъ на другихъ противоположеніяхъ общественныхъ группъ, ни участія общества въ государственной власти. Но съ успѣхами дифференціаціи общественныхъ функцій и съ установленіемъ въ теченіе XIX вѣка въ большинствѣ европейскихъ государствъ конституціоннаго строя, политическія партіи, боровшіяся до того, однѣ—за, а другія—противъ этого строя, перетерпѣваютъ двойное измѣненіе. Съ одной стороны, онѣ отдѣляются рѣзко отъ другихъ, не чисто-политическихъ общественныхъ группъ, съ которыми ихъ соединяло прежде состояніе, похожее на нераздѣльную общность владѣнія. Съ другой стороны, онѣ все менѣе и менѣе отличаются другъ отъ друга тѣми принципами, которые когда-то дѣлали одну изъ нихъ партіей застоя, упрямо смотрящей въ прошлое, или такъ называемой консервативной партіей, а другую—партіей движенія, реформъ, обращенныхъ на будущее и служащихъ до сихъ поръ основаніемъ для квалификаціи этой партіи либеральной. Утвержденіе конституціоннаго государства, особенно въ той его формѣ, которая извѣстна подъ именемъ системы парламентаризма, упраздняетъ въ принципѣ это старинное противоположеніе, соотвѣтствовавшее времени борьбы за политическую свободу, но теперь потерявшее свое оправданіе. Объ этомъ противоположеніи не можетъ быть, естественно, рѣчи съ тѣхъ поръ, какъ прежняя консервативная партія признала новый политическій порядокъ и настолько отрѣшилась отъ слѣпого отстаиванія прошлаго, что теперь она сама принимаетъ нерѣдко участіе въ его преобразованіи. Съ другой стороны, и старая либеральная партія добилась, вмѣстѣ съ завоеваніемъ полити-

ческой свободы, своей цѣли и вступила въ кадры существующаго порядка, превратившись изъ противодѣйствующаго ему въ поддерживающій его факторъ государственной жизни. Поэтому, вмѣсто консервативной и либеральной партій, съ ихъ фиктивными подраздѣленіями на реакціонеровъ, старыхъ и новыхъ консерваторовъ, умѣренныхъ и крайнихъ либераловъ, радикаловъ и т. д., мы должны признать, согласно тому, что намъ даетъ дѣйствительность, существованіе многочисленныхъ политическихъ партій, группирующихся вокругъ самыхъ различныхъ интересовъ современной соціальной жизни, при чемъ эти интересы слѣдуетъ признать весьма отличными отъ тѣхъ, которые раздѣляли старыхъ консерваторовъ и либераловъ, споривших о политической свободѣ. Единственно-характерной чертой этихъ интересовъ, въ ихъ отношеніи къ политическимъ партіямъ, является уже отмѣченное нами стремленіе привлечь къ своему удовлетворенію государственную власть.

IV. Политическія партіи при системѣ парламентаризма.

Къ указаннымъ выше чертамъ политическихъ партій система парламентаризма вноситъ новую существенную черту. Эта черта состоитъ въ томъ, что, въ цѣляхъ управленія государствомъ и контроля надъ этимъ управленіемъ, всѣ дѣйствующія въ парламентѣ или, по крайней мѣрѣ, всѣ притязающія на практическое значеніе политическія партіи соединяются въ *двѣ*, и только двѣ, большія партіи, изъ которыхъ одна находится въ обладаніи государственной властью, а другая, контролируя распоряженіе этой властью, стремится, въ то же время, замѣстить правящую партію и получить въ свои руки управленіе государствомъ. Только это противоположеніе двухъ партій или, вѣрнѣе, *двухъ коалицій партій*, оспаривающихъ другъ у друга государственную власть, даетъ возможность имѣть пра-

вительство или кабинетъ министровъ, выходящій изъ рядовъ господствующей въ данное время партіи, которая уступаетъ свое мѣсто, при неблагопріятныхъ для нея условіяхъ, враждебной или коалиціи враждебныхъ ей партій.

Такое раздѣленіе парламента на два противостоящихъ лагеря, оправдывающее вполнѣ квалификацію правительственной системы, основанной на этомъ раздѣленіи, «*правительствомъ партій*», есть не только логическое послѣдствіе, но и существенное условіе успѣха парламентаризма. Показать это можно помощью слѣдующаго разсужденія, основаннаго на парламентской практикѣ.

Предположимъ, что въ странѣ, управляемой «правительствомъ партій», какъ, напр., въ Англіи, рядомъ съ двумя дѣйствующими въ парламентѣ большими партіями, образуется еще третья, подобная организованной Парнеллемъ партіи Home Rule, и что эта третья партія ставитъ выше всего свои спеціальныя цѣли, рѣшаясь противодѣйствовать всякому правительству, которое отказывало бы ей въ содѣйствіи достиженію этихъ цѣлей. Предположимъ далѣе, что эта партія настолько усиливается, что съ ней неизбѣжно приходится считаться: она располагаетъ въ парламентѣ такимъ значительнымъ числомъ голосовъ, что присоединеніе этихъ голосовъ къ парламентской оппозиціи оставляло бы правительство постоянно въ меньшинствѣ. Если бы въ этихъ обстоятельствахъ двѣ старыя партіи не соединились вмѣстѣ противъ новой, третьей партіи, или если бы одна изъ двухъ первыхъ партій не поглотила въ себѣ этой третьей партіи, сдѣлавъ ей извѣстныя уступки, то ни одно министерство не могло бы составить себѣ обезпеченнаго большинства. Всякій кабинетъ ниспровергался бы немедленно по своемъ образованіи, и парламентское правленіе стало бы невозможнымъ. Предположимъ теперь, что возникшая вновь партія относится не безусловно враждебно къ двумъ остальнымъ и со-

гласна даже поддерживать нѣкоторое время правительство, опирающееся на одну изъ нихъ. Въ этомъ случаѣ проведеніе системы парламентаризма было бы не невозможно, но затруднено такъ какъ правительство терялось бы въ усиліяхъ мирить постоянно обѣ группы своего случайнаго большинства, рискуя пораженіемъ всякій разъ, какъ только одна изъ этихъ группъ дѣлалась бы ему враждебной. Политика министерства была бы въ этихъ условіяхъ колеблющаяся и нерѣшительная, и чѣмъ большее число недостаточно согласованныхъ между собою группъ входило бы въ составъ его большинства, тѣмъ труднѣе ему было бы ладить съ ними, и тѣмъ слабѣе и менѣе прочно становилось бы его положеніе. Трудность этого положенія не уменьшалась бы и отъ предоставленія министерскихъ портфелей членамъ отдѣльныхъ группъ, составляющихъ правительственное большинство. Успокаивая до нѣкоторой степени честолюбіе отдѣльныхъ парламентскихъ группъ, эти порфели вводили бы разноголосицу въ самый центръ правительства и еще болѣе увеличивали бы вошедшую почти въ поговорку слабость такъ назыв. коалиціонныхъ министерствъ. Кабинетъ, существованіе котораго зависитъ отъ счета голосовъ въ парламентѣ, можетъ вести твердую и послѣдовательную политику лишь въ томъ случаѣ, если его поддерживаетъ вѣрное и компактное большинство, и это основное требованіе парламентаризма переходитъ въ извѣстномъ смыслѣ отъ парламентскаго большинства и на парламентское меньшинство. Пока кабинетъ держится крѣпко, составъ оппозиціи можетъ быть безразличенъ; но когда оппозиція превращается въ большинство, это послѣднее должно быть такъ же устойчиво и такъ же компактно, какъ и противостоявшая ему до того правительственная партія: иначе получалась бы опять слабость коалиціоннаго министерства.

Вотъ соображенія, которыя позволяютъ большинству англійскихъ и американскихъ писателей, за которыми слѣдуютъ те-

перь и французы, считать раздѣленіе страны и парламента на двѣ, и только на двѣ, партіи необходимымъ условіемъ успѣшнаго примѣненія системы парламентаризма. Этими же соображеніями они объясняютъ обыкновенно и удачу парламентскаго режима въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ,—гдѣ дѣйствовали искони и, какъ будто, дѣйствуютъ и теперь только двѣ большихъ партіи,—и значительную неудачу того же парламентскаго режима во Франціи и въ другихъ европейскихъ странахъ, гдѣ партіи расщеплены до безконечности и никакъ не могутъ быть втиснуты въ то двухчленное дѣленіе, которое мы встрѣчаемъ въ извѣстной степени только у народовъ англо-саксонской расы.

Намъ эти соображенія кажутся вѣрными постольку, поскольку они касаются не раздѣленія, а только распредѣленія парламентскихъ партій по двумъ группамъ, при чемъ мы находимъ и это распредѣленіе обусловленнымъ исключительно техническими условіями парламентскаго режима. Переходя въ неосуществимое или, по крайней мѣрѣ, нигдѣ до сихъ поръ не осуществлявшееся требованіе раздѣленія не только парламента, но и всей страны на двѣ партіи, безъ отношенія къ вопросу о коалиціи входящихъ въ нихъ группъ, аргументація защитниковъ системы двухъ партій теряетъ для насъ убѣдительную силу. Мы не можемъ согласиться и съ приведеннымъ сейчасъ объясненіемъ успѣха парламентаризма въ англо-саксонскихъ— и неуспѣха его въ не англо-саксонскихъ странахъ: неудовлетворительность этого объясненія мы приписываемъ тому же ограничительному толкованію системы двухъ партій, которымъ грѣшатъ болѣе всего какъ разъ англо-саксонскіе писатели. Попытаемся дать болѣе обстоятельное объясненіе по тому и другому вопросу.

Мы показали выше, что система парламентаризма есть правительство партій, которое не можетъ функціонировать съ

успѣхомъ, не опираясь въ парламентѣ на компактное большинство, противъ котораго должно стоять такое же компактное меньшинство. Но утверждать, что это большинство должно состоять только изъ одной партіи, а меньшинство— изъ другой, столь же единой партіи, значило бы отвергать, въ сущности, возможность парламентаризма, такъ какъ ни исторія, ни логика партій не допускаютъ ихъ ограниченія и особенно такого ограниченія, какое представляло бы ихъ двухчленное раздѣленіе. Между тѣмъ, парламентаризмъ есть несомнѣнный фактъ, прекрасно уживающійся съ существованіемъ множества партій, и это потому, что онъ вовсе не предполагаетъ того, чтобы въ парламентѣ существовали только двѣ партіи. Онъ предполагаетъ лишь объединеніе существующихъ партій для совмѣстнаго политическаго дѣйствія въ двѣ противостоящія коалиціи, изъ которыхъ одна должна управлять, а другая контролировать. Это объединеніе клеймится часто эпитетами, позорящими объединяющіяся партіи, но оно необходимо и постоянно практикуется, такъ какъ простота противоположенія двухъ партій, соотвѣтствующая простотѣ легенды о добрѣ и злѣ, не стоитъ въ такомъ же соотвѣтствіи со сложностью соціальныхъ отношеній. Во всякомъ случаѣ, объединеніе многихъ партій въ двѣ группы партій требуется только техникой парламентаризма, которой не устраняется ни противоположность интересовъ и воззрѣній отдѣльныхъ элементовъ объединенныхъ партій, ни постепенное ослабленіе противоположности этихъ партій, взятыхъ въ ихъ совокупности. Именно потому, что въ цѣлое входятъ часто противоположныя другъ другу партіи, ни мало не отрекающіяся отъ своихъ противоположеній и иногда лишь отсрочивающія ихъ осуществленіе, это цѣлое все болѣе и болѣе обезразличивается и утрачиваетъ самостоятельныя черты, которыя остаются только за прикрываемыми имъ отдѣльными группами. Въ концѣ-концовъ, изъ живой партіи это цѣлое можетъ

превратиться даже, какъ мы видимъ это въ Соединенныхъ Штатахъ, въ простую политическую машину, расчитанную только на то, чтобы поставлять министровъ и другихъ должностныхъ лицъ, или слѣдить за этой работой, въ ожиданіи и своей очереди.

О такомъ характерѣ двухъ собирательныхъ партій въ Соединенныхъ Штатахъ, — партій, извѣстныхъ подъ именемъ республиканской и демократической, — свидѣтельствуетъ намъ Брайсъ въ своемъ классическомъ сочиненіи объ «Американской Республикѣ», въ которомъ строеніе и жизнь политическихъ партій въ Соединенныхъ Штатахъ были впервые подвергнуты внимательному анализу и проницательной критикѣ. Указывая на существованіе въ великой американской республикѣ, кромѣ демократической и республиканской, еще другихъ, болѣе мелкихъ партій, Брайсъ отмѣчаетъ различія между двумя первыми партіями только въ складѣ убѣжденій и традицій ихъ членовъ, но никакъ не въ воззрѣніяхъ на основные вопросы общественной жизни, не въ принципахъ и даже не въ какихъ-либо особыхъ, отличающихъ ту или другую изъ этихъ партій, интересахъ, которые сводятся для обѣихъ къ одному и тому же интересу полученія распоряженія правительственными должностями. То же самое можно сказать въ значительной мѣрѣ и о знаменитыхъ историческихъ партіяхъ тори и виговъ въ Англіи. Сложившись въ организованныя партіи еще въ правленіе Карла II, тори и виги представляли собою до большихъ реформъ 1832 и 1846 гг. не что иное, какъ различныя отдѣленія одного и того же аристократическаго слоя англійскаго общества, который нераздѣльно господствовалъ въ странѣ и диктовалъ свою волю государству — не въ силу какихъ-нибудь законныхъ привиллегій, а только въ силу своего богатства и общественнаго могущества. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, принадлежа къ одному и тому же

общественному классу и выражая его нравственное единство, тори и виги—если и отличались вначалѣ нѣкоторыми тенденціями, располагавшими первыхъ къ удержанію, во что бы то ни стало, существующаго порядка, а послѣднихъ — къ соотвѣтствующимъ требованіямъ времени реформамъ, — сходились, въ сущности, на однихъ и тѣхъ же интересахъ и были проникнуты общимъ духомъ и общими страстями. Ихъ борьбу можно называть, — какъ это дѣлаетъ Острогорскій въ своей превосходной работѣ, озаглавленной «La démocratie et l'organisation des parties politiques», 1903,—скорѣе борьбой Монтэги и Капулэти, чѣмъ борьбой двухъ политическихъ партій, отстаивающихъ противоположные интересы и противоположные принципы. И это незначительное съ самаго начала различіе между тори и вигами, основанное въ гораздо большей степени на соперничествѣ и мѣстныхъ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, чѣмъ на какихъ бы то ни было принципахъ, стало еще слабѣе съ тѣхъ поръ, какъ Англія вступила съ избирательной реформой 1832 г. на путь демократизаціи своей конституціи. Вспомнимъ, прежде всего, что какъ эта реформа, такъ и предшествовавшій ей билль 1829 г., снявшій съ католиковъ большую часть лежавшихъ на ихъ политической и гражданской правоспособности ограниченій, равно какъ и послѣдовавшіе за реформой 1832 г. билль 1846 г., отмѣнившій хлѣбныя пошлины, и избирательная реформа 1867 г., распространившая участіе въ политическомъ голосованіи на многочисленные классы городского населенія, — вспомнимъ, что всѣ эти реформы, обновившія старую Англію и впервые обезпечившія здѣсь религіозную, политическую и экономическую свободу, были вовсе не дѣломъ партій тори или виговъ. Эти реформы были проведены даже вопреки какъ той, такъ и другой партіи, благодаря энергичной работѣ многочисленныхъ политическихъ организацій, образовавшихся внѣ парламента и

независимо отъ путей предусмотрѣнныхъ конституціей. Противъ этихъ организацій правительство, руководимое и тори, и вигами, принимало всевозможныя репрессивныя мѣры и, тѣмъ не менѣе, должно было уступить подъ напоромъ дѣйствовавшихъ въ этихъ организаціяхъ силъ. Одинъ изъ крупныхъ англійскихъ писателей нашего времени (Pollock, Introduction á l'ètude de la science politique, 1893) утверждаетъ, что большинство англійскаго народа держалось въ 1832 г. того мнѣнія, что стоявшая тогда на очереди избирательная реформа стоила гражданской войны, и только увѣренность въ томъ, что таково было дѣйствительно убѣжденіе англійскаго народа, что въ случаѣ надобности онъ доказалъ бы на дѣлѣ, заставила правительство уступить и спасла въ послѣдній моментъ государство отъ политической катастрофы. Острогорскій (въ указанномъ выше сочиненіи) цитируетъ главный органъ «Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ», гдѣ обѣ политическія партіи, поочередно безпокоящіе страну своимъ управленіемъ, называются безъ обиняковъ одинаково безчестными и развращенными. Противники хлѣбныхъ законовъ, говорится далѣе въ этомъ органѣ, не потерпятъ того, чтобы на ихъ дѣлѣ ѣздила оффиціально та или другая изъ этихъ партій, и они не перестанутъ апеллировать къ народу, убѣжденные въ томъ, что ни одна изъ правительственныхъ партій никогда не согласится добровольно на отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ. Того же мнѣнія былъ и знаменитый Кобденъ, который, борясь неустанно съ правительствомъ тори, писалъ, однако, въ 1842 г. своему брату: «Самымъ большимъ несчастьемъ было бы теперь возвращеніе къ власти виговъ. Эта кляча выпрямится на заднихъ ногахъ и пойдетъ плясать, пронюхавъ министерское стойло». По поводу же радости, шумно заявленной вигами послѣ того, какъ Робертъ Пиль согласился на отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ, Кобденъ замѣтилъ: «Какое безстыдство со стороны виговъ представляться

защитниками свободы торговли! Поддержать этотъ обманъ было бы такъ же трудно, какъ возстановить погибшую популярность путемъ закона, къ которому виги-аристократы и землевладѣльцы относились всегда равнодушно и даже враждебно. Я не вижу никакой выгоды и вижу, напротивъ, большую опасность для нашего дѣла, если старыя различія партій будутъ возстановлены». (Острогорскій, указ. соч. I, стр. 123—124). И дѣйствительно, эти различія въ прежнемъ смыслѣ, послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ и введенія избирательной реформы, до такой степени померкли, что правое крыло виговъ стало гораздо ближе къ тори, чѣмъ къ своему собственному лѣвому крылу, и тори, въ виду достиженія или удержанія власти, проводятъ теперь нерѣдко реформы, которыя они сначала оспаривали, или передъ которыми останавливались и виги. Словомъ, различіе въ принципахъ или въ какихъ бы то ни было интересахъ, кромѣ интереса достиженія или удержанія власти, исчезло, и мы получаемъ, примѣрно, такія опредѣленія партій тори и виговъ. «Вигъ,—писалъ небезъизвѣстный Лотаръ Бухеръ еще въ 1854 г. («Ueber Parlamentarismus, wie er ist»), — есть тотъ, кто происходитъ въ нисходящей линіи отъ бабушки Дж. Росселя; тори—тотъ, кто идетъ сзади Дизраэли». Одинъ старый парламентскій дѣятель въ Англіи также спрашиваетъ себя, что такое либералъ, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: «Либералъ — тотъ, кто не отвѣчаетъ на приглашеніе лорда Дэрби послушать въ С.-Джемскомъ сквэрѣ его программу, и я не знаю другого критерія для различенія либерала отъ тори». (I. Walch, The practical result of the Reform Act, 1832. Цитир. у Острогорскаго, ib., стр. 51). Въ свою очередь, Де-Франквиль, одинъ изъ знатоковъ англійскихъ учрежденій во Франціи, выражается слѣдующимъ образомъ: «Между старыми партіями нѣтъ болѣе ни пропасти, ни даже рва; онѣ едва отличаются кое-какими оттѣнками. Если оста-

вить въ сторонѣ вопросъ объ отдѣленіи англиканской церкви отъ государства, то между консерваторами и умѣренными либералами не окажется иныхъ различій, кромѣ тѣхъ, которыя касаются личныхъ отношеній, традицій и воспоминаній». Это отсутствіе принципіальнаго различія между старыми англійскими партіями проявилось особенно ярко въ послѣднее министерство Гладстона, когда рѣзкая постановка ирландскаго Home Rule'я произвела такое разъединеніе въ старой либеральной партіи, что значительная ея часть прямо перешла, подъ именемъ уніонистовъ, въ лагерь консерваторовъ, а другая часть осталась вѣрной Гладстону и слѣдовавшей за нимъ небольшой группѣ искреннихъ сторонниковъ Home Rule'я (мы исключаемъ ирландскихъ депутатовъ) только потому, что она подчиняла Home Rule другимъ вопросамъ, казавшимся ей важнѣе этого послѣдняго. Нѣкоторые писатели, какъ, напр., Дюпріе (Les ministres dans les prinicipaux pays d'Europe et'd Amerique», 1894), Лоуренсъ Лоуэль («Government and Parties in continental Europe" Boston, 1896) и друг., считаютъ это расщепленіе либеральной партіи въ Англіи случайнымъ, вызваннымъ временными обстоятельствами, и выражаютъ увѣренность, что съ измѣненіемъ этихъ обстоятельствъ оно исчезнетъ. Въ то же время они не перестаютъ утверждать, что въ Англіи было и будетъ, въ видѣ общаго правила, два теченія общественнаго мнѣнія и, слѣдовательно, двѣ политическихъ партіи. Мы думаемъ, что эти писатели, какъ и другіе, смѣшиваютъ постоянно коалиціи или конгломераты партій съ входящими въ ихъ составъ отдѣльными партіями, и считаемъ нелишнимъ повторить, что если два конгломерата партій дѣйствительно предполагаются механизмомъ парламентаризма, то два теченія общественнаго мнѣнія и существованіе только двухъ политическихъ партій вовсе не предполагается этимъ же механизмомъ и не встрѣчается, къ счастью, ни въ одной странѣ.

Мы называемъ это обстоятельство счастливымъ опять по тому, что если бы въ какой-нибудь странѣ было только двѣ партіи, то сильнѣшая изъ нихъ могла бы всегда раздавить слабѣйшую, тогда какъ существованіе многихъ партій идетъ на встрѣчу этой опасности. Постоянно растущая дифференціація общественныхъ отношеній, условій жизни, стремленій и идей— развиваетъ во всякомъ политическомъ обществѣ скорѣе центробѣжныя, чѣмъ центростремительныя силы. Поэтому какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, управляемыхъ парламентскимъ правительствомъ, мы не перестаемъ встрѣчать, рядомъ съ двумя конгломератами партій, и множество самостоятельныхъ политическихъ группъ. Первыя дѣйствуютъ почти механически и сознательно отвлекаются отъ всѣхъ могущихъ разъединять ихъ принциповъ, за исключеніемъ принципа власти и контроля надъ этой властью. Послѣднія защищаютъ интересы и принципы, безъ соображенія съ которыми невозможно было бы понять ни одного изъ политическихъ движеній, происходящихъ въ странѣ.

Переходя теперь къ вопросу о менѣе удовлетворительной практикѣ парламентаризма въ континентальныхъ державахъ Европы, сравнительно съ практикой его въ Англіи, мы скажемъ, что объясненіе этого безспорнаго факта слѣдуетъ искать не въ несуществующемъ нигдѣ противоположеніи системъ двухъ и многихъ политическихъ партій, а въ различіи всей исторически-обусловленной обстановки примѣненія одной и той же правительственной системы въ различныхъ странахъ. Вспомнимъ о главнѣйшихъ выраженіяхъ этого различія, давно отмѣченныхъ какъ англійскими, такъ и другими писателями.

Прежде всего, политическая исторія Англіи служитъ издавна образцомъ постоянства, непрерывности и самостоятельности развитія, соединеннаго съ сохраненіемъ въ видоизмѣненныхъ формахъ стараго содержанія. Напротивъ, политическая исторія дру-

гихъ европейскихъ народовъ представляется намъ, въ большинствѣ случаевъ, въ видѣ частыхъ скачковъ, заимствованій чужихъ учрежденій, слѣдованія господствующимъ въ данную эпоху теченіямъ, разрушенія всего, что не соотвѣтствуетъ этимъ теченіямъ, или созданія новыхъ и нерѣдко непрочныхъ формъ государственнаго строя. Отсюда — тенденція къ постоянству и устойчивости государственнаго управленія въ Англіи и противоположная тенденція въ государственномъ управленіи другихъ европейскихъ странъ. Другимъ важнымъ факторомъ того же различія является несравненно болѣе продолжительная практика политической свободы въ Англіи, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ противоположный этой свободѣ порядокъ, опираясь на недавнее прошлое, имѣетъ еще многочисленныхъ сторонниковъ и дѣлаетъ спорными вопросы, давно уже переставшіе быть таковыми въ Англіи. Напримѣръ, не говоря о другихъ партіяхъ, ни одинъ англійскій тори не допуститъ никогда мысли, несмотря на свою такъ называемую лойальность, ни о практическомъ возстановленіи древнихъ прерогативъ королевской власти, ни объ ослабленіи принципа парламентаризма, ни объ ограниченіи свободы печати и другихъ формъ свободы, завоеванныхъ соединенными усиліями всего народа. Между тѣмъ, въ Германіи, во Франціи и въ другихъ европейскихъ государствахъ приверженцы абсолютизма, въ его различныхъ формахъ, и противники какъ парламентаризма, такъ и всѣхъ видовъ свободы, составляютъ, пока-что, весьма сильныя партіи. Состоя въ опозиціи, эти партіи вступаютъ въ противорѣчіе съ основнымъ принципомъ парламентской опозиціи, такъ какъ онѣ не могутъ дать правительству, не оставляющему почвы парламентаризма, никакого министерства. Состоя въ правительственномъ большинствѣ, расходящемся съ ними такъ же въ основномъ и всепредосуждающемъ вопросѣ конституціоннаго права, эти партіи должны неизбѣжно ослаблять

правительство и производить въ результатѣ его неустойчивость. Ничего подобнаго мы не видимъ въ Англіи, гдѣ не существуетъ, по крайней мѣрѣ, въ парламентѣ, противоконституціонныхъ партій, и опозиція, изъ какихъ бы элементовъ она ни состояла, можетъ всегда образовать изъ своей среды новое правительство, готовое остаться на той же конституціонной почвѣ, что и смѣняемое имъ правительство. Третье и, можетъ быть, важнѣйшее обстоятельство, которымъ обусловливается прочность парламентаризма въ Англіи и колебанія его на континентѣ Европы, лежитъ въ различіи организаціи тамъ и здѣсь политическихъ партій. Въ Англіи, начиная съ 1769 г., когда было основано первое политическое «Общество для поддержки билля о правахъ», не перестаетъ развиваться такъ называемая внѣпарламентская организація партій, выражаясь въ цѣлой сѣти все болѣе и болѣе раскидывающихся въ странѣ политическихъ союзовъ. Эти союзы имѣютъ свои постоянныя органы печати, свои центральные и мѣстные комитеты, снабженные часто большими средствами, поддерживающіе дисциплину въ партіи и завѣдующіе какъ предложеніемъ, такъ и проведеніемъ на выборахъ кандидатовъ въ парламентъ, которые подчиняются безпрекословно и программамъ, вырабатываемымъ этими комитетами. Совершенно другую картину представляетъ намъ континентальная Европа. Правильная организація партій внѣ парламента здѣсь едва начинается и, можно сказать, находится въ зачаточномъ состояніи, если не имѣть въ виду организаціи одной лишь соціалистической партіи въ Германіи. Элементы партіи собираются обыкновенно наканунѣ выборовъ, расходятся послѣ ихъ окончанія, и представляются вообще весьма текучими и непрочными. Самостоятельная жизнь и самостоятельная организація партій ограничиваются, въ общемъ, предѣлами парламента, гдѣ эти партіи оказываются, съ одной стороны, свободнѣе отъ общественнаго контроля и тре-

бованій дисциплины, а съ другой—доступнѣе для вліяній, вредящихъ единству партіи. Поэтому, какъ ни грозны, напр., во Франціи, нѣкоторыя изъ политическихъ группъ, и какъ ни рѣшительна, повидимому, ихъ привязанность къ своимъ программамъ, онѣ дѣлаютъ чрезвычайно мало усилій для ихъ осуществленія на практикѣ путемъ объединенія своихъ сторонниковъ и побужденія ихъ къ совмѣстному дѣйствію. Избирательныя программы въ огромномъ большинствѣ случаевъ—индивидуальны, и, въ сущности, нѣтъ такой политики, которая поддерживалась бы всей партіей и во всей странѣ. Правда, иногда устраиваются собранія избирателей, банкеты и т. д.; но общія программы издаются одной соціалистической партіей, разбивающейся, въ свою очередь, на нѣсколько враждующихъ между собою группъ. Сюда присоединяется еще крайняя изолированность избирательныхъ округовъ, къ которыхъ локализируются всѣ политическія усилія, и которые представляютъ собою какъ бы отдѣльныя государства. Кромѣ членовъ правительства и кандидатовъ въ парламентѣ, никто изъ выдающихся людей въ странѣ не открываетъ рта даже въ періоды выборовъ. Все это отражается неминуемо и на составѣ какъ правительственнаго большинства, такъ и противоправительственнаго меньшинства: оба состава являются мало сплоченными и легко распадающимися на свои части. Ни того, ни другого мы не видимъ, естественно, въ странахъ, гдѣ сильная внѣпарламентская организація партій держитъ всѣхъ членовъ выборнаго парламента подъ своимъ постояннымъ контролемъ и препятствуетъ имъ произвольно нарушать не ими установленное равновѣсіе партій. Прекрасное описаніе и обстоятельную оцѣнку этой внѣпарламентской организаціи партій, какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ, читатели найдутъ, при желаніи, въ цитированномъ уже нѣсколько разъ сочиненіи Острогорскаго.

Въ видѣ илюстраціи къ тому же различію политическихъ

условій парламентаризма, я укажу еще на различное примѣненіе доктрины раздѣленія властей въ Англіи и во Франціи. Въ Англіи эта доктрина означаетъ охраненіе независимости судовъ и неприкосновенности индивидуальныхъ правъ свободы отъ вмѣшательства какъ законодательной, такъ и исполнительной власти. Во Франціи такое уваженіе къ закону и индивидуальнымъ правамъ неизвѣстно, и принципъ раздѣленія властей примѣняется до сихъ поръ не въ смыслѣ защиты судовъ отъ исполнительной власти, а, напротивъ, въ смыслѣ защиты этой послѣдней отъ общихъ судовъ, которые вѣдаютъ лишь гражданскія и уголовныя дѣла и систематически устранены отъ разбирательства административныхъ. Декларація правъ 1789 г. увѣряла, какъ извѣстно, что безъ раздѣленія властей нѣтъ конституціи, а изданный уже въ слѣдующемъ году законъ объ организаціи судовъ толковалъ это раздѣленіе властей именно въ смыслѣ невмѣшательства суда въ дѣятельность исполнительной власти.

То и другое примѣненіе доктрины Монтескье было одинаково логично, но вытекало изъ различныхъ условій государственной жизни и различныхъ представленій о самомъ правѣ. Англо-саксонское представленіе не дѣлаетъ различія между публичнымъ и гражданскимъ правомъ: всякое право, какого бы оно ни было рода, касается ли оно функцій публичной жизни и дѣятельности должностныхъ лицъ, или условій частныхъ договоровъ, подлежитъ одинаково вѣдѣнію обыкновенныхъ судебныхъ учрежденій. Во Франціи, напротивъ, кромѣ уголовнаго, одно гражданское право, имѣющее своимъ предметомъ права и обязанности индивидовъ въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу подлежитъ вѣдѣнію юриспруденціи и судовъ, все же право, посвященное правительственной дѣятельности и отношеніямъ индивидовъ къ государству, выдѣляется изъ вѣдѣнія не только обыкновенныхъ судовъ, но и вообще права, въ обычномъ смы-

слѣ этого понятія, и считается особой областью, въ которой умѣстна одна лишь точка зрѣнія государственнаго интереса. И этотъ принципъ выдѣленія вопросовъ публичнаго права изъ компетенціи обыкновенныхъ судовъ во Франціи не новъ: онъ примѣнялся еще при «старомъ порядкѣ», былъ обостренъ и систематизированъ законодательствомъ первой революціи, введенъ въ конституцію 1799 г. и не только продержался до паденія Второй Имперіи, но держится и до сихъ поръ, благодаря практикѣ Conseil d' Etat, толкующей въ смыслѣ традиціонной доктрины раздѣленія властей, и декретъ 19 сентября 1870 г. Правительства Національной Обороны, внесшій въ эту доктрину значительныя ограниченія. Въ результатѣ, несмотря на большое число новыхъ административныхъ законовъ и практику административныхъ судовъ, получается предоставленіе слишкомъ широкаго простора административной власти и недостаточная гарантированность индивидуальной свободы. То и другое отражается опять на политической системѣ и на отношеніяхъ политическихъ партій какъ къ правительству и обществу, такъ и другъ къ другу, и къ своимъ членамъ.

Между другими и болѣе спеціальными причинами, вызывающими во Франціи неудовлетворительную практику парламентаризма, можно отмѣтить еще: а) систему выборовъ по округамъ, чрезмѣрно локализирующую, какъ мы это замѣчали, борьбу партій; б) систему безотвѣтственныхъ, но весьма вліятельныхъ парламентскихъ комиссій, чрезвычайно стѣсняющую дѣятельность правительства; в) злоупотребленія правомъ интерпеляцій, приводящія къ слишкомъ частымъ и недостаточно мотивированнымъ министерскимъ кризисамъ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ послѣднихъ, такъ какъ въ нихъ видятъ не безъ основанія одно изъ главныхъ выраженій неустойчивости парламентаризма во Франціи. Министерскіе кризисы не носятъ дѣйствительно здѣсь того характера, какой они должны носить

при парламентскомъ режимѣ. Они не сопровождаются въ большинствѣ случаевъ переходомъ власти изъ рукъ одной партіи въ руки другой, такъ какъ французскія законодательныя палаты наполнены партіями, неспособными выдѣлить изъ своей среды никакого министерства. Это прежде всего—различныя группы реакціонеровъ, стоящія въ конституціонномъ противорѣчіи съ установленной въ странѣ формой государственнаго строя; затѣмъ,—соціалисты, относящіеся такъ же непримиримо ко всякому государственному управленію, кромѣ того, которое вытекаетъ изъ ихъ ученія; и наконецъ,—многочисленныя фракціи радикаловъ, не располагающія достаточнымъ числомъ голосовъ для того, чтобы образовать свое министерство. Поэтому новые кабинеты во Франціи принуждены искать опоры въ рядахъ разбитаго меньшинства и состоятъ обыкновенно изъ тѣхъ же элементовъ, что и непосредственно предшествующіе имъ кабинеты. Прежнія министры остаются часто на своихъ мѣстахъ и дополняются лишь нѣсколькими новыми министрами, выходящими изъ тѣхъ группъ правой или лѣвой, отъ которыхъ ожидается, по крайней мѣрѣ, временная или небольшая поддержка; и нерѣдко министерства, представляющія различную политику, какъ, напр., кабинеты Мелина, Л. Буржуа, Ш. Дюпюи и Бриссона, опираются на одинъ и тотъ же составъ палаты депутатовъ. Это же обстоятельство, т. е. независимость министерскихъ кризисовъ отъ смѣны партій, влечетъ за собою два важныхъ послѣдствія: во 1) отсутствіе страха оппозиціи, могущей вступить во власть,—страха, который составляетъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ дисциплины партій при правильномъ функціонированіи парламентаризма; и во 2) возникновеніе убѣжденія о неважности министерскихъ кризисовъ,—убѣжденія, отъ котораго недалеко и до полнаго индифферентизма къ этимъ кризисамъ. Отсюда—и крайности практики интерпеляцій, и чрезвычайная недолговѣчность французскихъ министерствъ. Если смѣна каби-

нета не означаетъ смѣны политики, то почему и не низвергать министерства даже по такимъ вопросамъ, которые и не предполагаютъ необходимо осужденія ихъ политики? Недолговѣчность же французскихъ кабинетовъ такова, что въ 28 лѣтъ, протекшихъ со времени избранія въ президенты республики Макъ-Магона, можно насчитать не менѣе 38 министерскихъ смѣнъ, такъ что средняя продолжительность каждаго кабинета оказывается около $8^1/_2$ мѣсяцевъ.

Всѣмъ сказаннымъ объясняется достаточно, на мой взглядъ, какъ полная совмѣстимость парламентаризма съ существованіемъ въ странѣ и парламентѣ многочисленныхъ партій, сливающихся въ двѣ группы только въ виду техническихъ условій системы парламентаризма, — такъ и различная степень устойчивости этой системы въ странахъ, ее примѣняющихъ.

V. Современное значеніе политическихъ партій.

Сколько бы ни было партій въ той или другой странѣ, и какъ бы различна ни была въ ней степень устойчивости парламентаризма, торжество демократіи сдѣлало всюду, гдѣ оно имѣло мѣсто, политическія партіи главными движущими силами и необходимыми пружинами всей государственной жизни. Если демократическое государство характеризовали уже болѣе 100 лѣтъ тому назадъ и характеризуютъ еще теперь, какъ «правленіе для народа и самимъ народомъ», то самый бѣглый очеркъ исторіи демократіи можетъ показать, что ни одинъ большой народъ никогда не управлялся и не могъ управляться самъ собою. На дѣлѣ всѣ демократіи управляются политическими партіями, работа которыхъ видоизмѣняется, но не направляется такъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ, выражая интересы и воззрѣнія лишь тѣхъ общественныхъ группъ, которыхъ онѣ выступаютъ проводниками въ государственной жизни. Вотъ

почему природа и развитіе политическихъ партій составляютъ одинъ изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ предметовъ изученія для всѣхъ, кого занимаютъ вопросы государственной жизни и политической философіи нашего времени. «Если такое сложное государство, какъ наше, соединяющее въ себѣ столько противоположныхъ силъ,—читаемъ мы у Мея (E. May, Constitutional History of England, I, стр. 1), — сохраняетъ гармонію въ своихъ дѣйствіяхъ, то оно обязано этимъ только организаціи партій, едва признанной конституціей, но нераздѣльно связанной съ парламентскимъ правительствомъ и оказывающей огромное вліяніе,—все равно, хорошее или дурное,—на политическія судьбы нашей страны... Существованіе партій охраняло конституцію отъ ударовъ, угрожавшихъ ей въ самыхъ ея основахъ. Партіи возвышались и падали, но учрежденія стояли непоколебимо». Брайсъ въ своей «Американской Республикѣ» (русскій переводъ, III, стр. 267—9) сравниваетъ значеніе партій для правительственнаго механизма съ паромъ для локомотива и замѣчаетъ, что, по мѣрѣ ослабленія различія въ основныхъ принципахъ двухъ большихъ американскихъ партій, ихъ организація становится все совершеннѣе и политическая роль все болѣе и болѣе главенствующей въ государственной жизни. И эту главенствующую роль политическихъ партій во всѣхъ странахъ, подчиненныхъ системѣ парламентаризма, легко объяснить не только техникой этой системы, требующей участія въ парламентскомъ большинствѣ и въ парламентской оппозиціи строго организованныхъ политическихъ группъ, но и общими условіями смѣны «стараго порядка» строемъ новыхъ демократическихъ государствъ. Торжество демократіи разрушило вездѣ старые устои политическаго общества; іерархія классовъ и традиціонныя нити, связывавшія индивидъ съ обществомъ, были порваны. Требовалось найти новыя связки, вылить новыя формы, въ которыхъ разбитый на атомы народъ могъ бы про-

явить свое отношеніе къ жизни цѣлаго и исполнить свои новыя функціи держателя верховной власти. Этими формами и стали организованныя и постоянно дѣйствующія не только въ парламентѣ, но и внѣ парламента—политическія партіи, борьбой которыхъ опредѣляются теперь всѣ высшія проявленія государственной жизни. Нѣкоторые нѣмецкіе ученые предостерегаютъ своихъ учениковъ отъ заблужденія, приписывающаго всѣмъ партіямъ враждебное отношеніе къ существующему правительству. Они утверждаютъ при этомъ съ большой серьезностью, что, разъ правительство ведетъ политику, согласную съ воззрѣніями той или другой партіи, эта послѣдняя должна его поддерживать и укрѣплять (см., напр., Bruder, Staatslexikon, IV, Parteien). Такого рода предостереженія и совѣты не имѣютъ значенія для странъ съ режимомъ парламентаризма, такъ какъ въ этихъ странахъ правительство, придерживающееся политики той или другой партіи, состоитъ не изъ кого иного, какъ именно изъ этой самой партіи, тогда какъ остальныя партіи, не участвующія въ правительствѣ или не покровительствуемыя имъ, должны быть ему *eo ipso* враждебны. Такой же праздный вопросъ возбуждается часто и о томъ, полезны или вредны политическія партіи. Съ точки зрѣнія научнаго изслѣдованія, этотъ вопросъ подобенъ вопросамъ о пользѣ или вредѣ вѣтровъ, молній и. п. Партіи представляютъ собою для научнаго изслѣдованія только фактъ, обнаруженія котораго подлежатъ изученію. Но если бы тотъ же вопросъ ставился даже исключительно въ практическомъ или прикладномъ смыслѣ, то однообразное разрѣшеніе его для всѣхъ случаевъ дѣйствія партій было бы все-таки невозможно, такъ какъ это разрѣшеніе зависѣло бы всякій разъ отъ условій, въ которыхъ той или другой изъ нихъ приходилось бы дѣйствовать. Можно было бы только сказать, что часто повторяемое утвержденіе о томъ, что такъ наз. «истинно-государственные люди» должны стоять внѣ партій, не носитъ въ себѣ, по

крайней мѣрѣ, въ условіяхъ парламентскаго режима, и тѣни истины. Ни одинъ государственный человѣкъ и даже ни одинъ конституціонный государь не можетъ избѣгнуть въ своей политической дѣятельности содѣйствія и поддержки партій, составляющихъ условіе самого существованія парламентскаго правительства. Можно утверждать еще болѣе, а именно, что стоять въ коституціонномъ государствѣ внѣ партій было бы вовсе не честью ни для государственныхъ людей, ни для простыхъ гражданъ, такъ какъ политическая свобода можетъ быть прочна только тамъ, гдѣ каждый гражданинъ имѣетъ право и считаетъ своей обязанностью контролировать дѣйствія стоящей во власти партіи. Эта же свобода погибаетъ вездѣ, гдѣ граждане, по слабости или порочности, одобряютъ безъ повѣрки и исполняютъ безъ контроля рѣшенія правящей въ данное время партіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
I.	Опредѣленіе.	3
II.	Названія политическихъ партій.	18
III.	Процессъ развитія политическихъ партій	23
IV.	Политическія партіи при системѣ парламентаризма. . .	27
V.	Современное значеніе политическихъ партій	44